

ИРОНИЯ СОКРАТА

Сократическая ирония представляет собой способ ведения беседы, который позволяет выявить ограниченность позиции собеседника и продемонстрировать, что стремление удерживать эту позицию приводит к серьезным затруднениям. Такая установка, на первый взгляд, не имеет ничего общего с "философской" теорией и напоминает, скорее, полемическую практику. Поэтому попытки построения "веселой науки" – т. е. некоего теоретического исследования сократической иронии – представляются проблематичными именно с практической точки зрения. **Но такая задача, решению которой посвящена данная статья, представляется весьма актуальной** для современного исследования философского мышления и методов получения истинного знания.

Ироническое всегда осуществляется в конкретной полемической ситуации. Эта ситуация предполагает неравенство участвующих в полемике сторон. Существование одной из сторон является в своем существе самоуверенностью: это существование полагает, что оно обладает непосредственным знанием предмета и готово вынести решение относительно любого вопроса. Существование второй стороны основано на том принципе, что всякая точка зрения оказывается в себе конечной, а общеизвестное и само собой разумеющееся еще не становится, несмотря на общезначимость и очевидность, понятным. Такое существование характеризуется принципиальной сдержанностью в отношении промежуточных результатов исследования. Рассуждение должно не просто констатировать позиции сторон, но и выявить основания этих позиций. Задача иронии осуществляется, таким образом, в раскрытии самоуверенности – поэтому иронии каждый раз сопутствует сократическая майевтика, – вследствие чего становится очевидным: то, что самоуверенность выдавала за знание, на деле оказывается мнением. Ирония порождает сомнение в истинности суждения самоуверенного. В том случае, если самоуверенность продолжает упорствовать, она вовлекает себя в комическую ситуацию. Диалоги Платона дают представление о том, как это происходит.

Но тот же Платон рисует и иную картину. В ряде его диалогов собеседники Сократа выступают в роли равноправных участников рассуждения и вместе с Сократом пытаются рассмотреть предмет исследования со всех сторон. Это касается, прежде всего, тех произведений, в которых Сократ, как кажется, проявляет неподдельный интерес к собеседнику, а так же тех диалогов, где речь идет не о противопоставлении позиций знания и мнения, но о самых серьезных и трудных вещах. Различие заключается в том, что в первом случае собеседником Сократа является не-философ, человек, для которого философское рассуждение представляет собой только спор о словах, во втором же случае речь идет о человеке, который, быть может, и не является философом, но все же имеет представление о том, что подлинная философия всегда имеет дело с подлинно сущим.

Все это позволяет сказать, что феномен иронии принадлежит такому основополагающему опыту, в котором устанавливается отношение между непосредственно данным и действительно существующим. Непосредственно данное – это фактическая повседневная жизнь и то, как эта жизнь обращается с тем, что ее окружает. Ирония возникает в непосредственной ситуации этой жизни. Отсюда вытекает важное методологическое положение, касающееся возможности выявления феномена иронии: понять, что представляет собой сократическая ирония, можно, только проследив возникновение и осуществление этого феномена на примере конкретных диалогов Платона.

В диалоге "Гиппий большой" [2] дело обстоит следующим образом. Сократ встречает софиста Гиппия, и начало их разговора не предвещает для Гиппия никаких затруднений. Сократ выказывает восхищение многими талантами Гиппия, дает ему возможность

ощутить твердую почву под ногами, после чего переходит к расспросам. В центре внимания Сократа находится прекрасное и проблема определения его сущности. Ответ, который, не раздумывая, дает Гиппий, гласит: "Прекрасное – это прекрасная девушка". Горизонт, который задает Гиппий своим ответом – это повседневная жизнь. Сократ также не стремится оставить почву повседневного опыта, потому что даже этот опыт дает возможность показать неудовлетворительность решения Гиппия. Ирония Сократа в данном случае основывается на том, что посредством самых незначительных вещей можно показать неустойчивость некоторых сложных теоретических конструкций. Ведь вопрос Сократа касается не того, что является прекрасным, но того, чем является *само прекрасное*. Этот вопрос требует определения такой всеобщности, которая не может быть достигнута путем простого перечисления подпадающих под эту всеобщность единичных вещей. Поскольку каждая из прекрасных сущностей, так или иначе, оказывается причастной идее прекрасного, понятию прекрасного следует дать истолкование с точки зрения единства по аналогии.

Содержащаяся в опровержении Сократа ирония приводит Гиппия в состояние растерянности. Человек, находящийся в состоянии растерянности, вынужден хвататься за первое, что попадает ему под руку, если он хочет сохранить устойчивость своего существования (само состояние растерянности указывает на некую неразличенность сущего и на то, что существование, пребывающее в этом состоянии, обращено ко всему, что его окружает). Поэтому Гиппий последовательно перебирает все возможные определения прекрасного – его внимание рассеяно. В конце концов, Гиппий заявляет: если я это обдумаю, то уверен, что найду. Все это вызывает улыбку, ибо Сократу (и нам) уже известна логика его «обдумывания», не способная в принципе, с точки зрения Сократа, привести к истине.

Но ведь и сам Сократ стал однажды предметом насмешек со стороны знаменитого Аристофана и оказался вовлеченным в комическую ситуацию. Если допустить, что отношение Аристофана к Сократу – тоже своего рода ирония, то чем отличается ирония Сократа от иронии Аристофана?

Аристофан рассматривает философию со стороны внешнего наблюдателя, поэтому он не проводит никакого различия между собственно философией и софистикой. Вследствие этого, Сократ у Аристофана предстает в виде горе-мудреца, который парит между небом и землей, размышляя о судьбе светил. Вся его мудрость сводится к игре словами, благодаря которой "кривая" речь становится речью "прямой". Сократ поклоняется Облакам, субстанции, окутывающей все ясные и понятные вещи густым туманом. Действительное превращается, таким образом, в видимость. Все это вызывает у нормального человека недоумение. Но и Сократ в "Апологии" Платона говорит: "...вы сами видели в комедии Аристофана, как какой-то Сократ качается там на веревке, говоря, что он гуляет по воздуху, и несет еще много разного вздору, в котором я ничего не смыслю" [1, 19с]. Соответствует ли, в таком случае, изображение Сократа в "Облаках" действительности и какую идею стремится выразить Аристофан в своей комедии?

Речь у Аристофана идет совсем не о безобидной насмешке. Представление Сократа в образе софиста (об этом свидетельствует тот факт, что наравне с Сократом в "Облаках" упоминается знаменитый софист Продик) отражает общее настроение демоса в отношении к философии. Сравнение трех позиций – комедиографа Аристофана, Мелета, Анита и Ликона, выдвинувших обвинение против Сократа в суде, а также тех молодых людей, что причисляли себя к ученикам Сократа, являясь таковыми лишь на словах, но не на деле, – позволяет утверждать, что философия для повседневности кажется неким вывернутым наизнанку миром. Философ исследует то, что над землей и то, что под землей, умеет сделать слабый довод сильным. Тот, кто занимается подобными вещами, должен отрицать традиционно признаваемых богов, вводя вместо них новые божественные знамена. Такое представление о сущности философии оказывается поверхностным. Сократу не составляет

большого труда опровергнуть предъявленные ему в суде обвинения. Однако это не может изменить ход событий, потому что сила убеждения оказывается бессильной против преубеждения повседневности.

Поэтому полемика относительно различия между философией и софистикой продолжается и после смерти Сократа. Эта проблема ставится Платоном в диалоге "Софист". Примечательно, что Сократ здесь не принимает участия в исследовании. Платон вводит фигуру Чужеземца – по принципиальным соображениям. Чужеземец – это элейский гость, ученик Парменида и Зенона, истинный (собственно, сущий), а не мнимый (не пластический) философ. Это означает, что он не будет, подобно софисту, приспособляться к изменяющимся обстоятельствам, но, если это потребуется, будет готов поставить под вопрос и основания того учения, в котором он был воспитан. Более того, в начале диалога Сократ полуслушя вспоминает о словах Гомера, в которых утверждается, что "...боги, а особенно бог-покровитель чужеземцев, бывают вожатыми у тех, кто имеет правую совесть, чтобы наблюдать как своеволие, так и законные действия людей" [3, 216b]. Тем самым Платон ясно и четко дает понять: вопрос об отношении между философией и софистикой может быть решен только с позиций самой философии и посредством выявления сущности самой философии. На просьбу Сократа разъяснить, различают ли в Элее три рода – философа, политика, софиста – или же считают, что три эти определения представляют один род, Чужеземец отвечает: это три разных рода. Само исследование сущности софистики распадается на две части, первая из которых является подготовительной, а вторая носит собственно философский характер, поскольку речь в ней идет о проблемах бытия и небытия, о возможности существования истинных и ложных утверждений. Поэтому традиционно считается, что первая часть представляет собой некое диалектическое упражнение, без которого можно было бы вполне обойтись, и Платон оказал бы огромную услугу всем последующим поколениям ученых, если бы избавил их от необходимости разбираться в хитросплетениях диалектических построений. И действительно: Платон, утверждая, что поиск определения софиста – дело чрезвычайно сложное, ибо софист сопротивляется возможности подведения под какое-либо определение, постоянно ускользая в область невидимого, предлагает сначала заняться исследованием чего-то более известного и само собой для всех разумеющегося. В качестве такого примера Платон берет рыбака, а затем, применяя принцип дихотомического деления, показывает, что, собственно, является предметом определения. Ибо рыбак является истинным знатоком своего дела, он является неким охотником, занимающимся водной разновидностью охоты (рыболовством), причем той ее частью, которая носит название ударной, когда "ударяют крюком ... каждый раз в голову и рот рыбы, которую ловят, затем она извлекается с помощью удилиц из прутьев и тростника" [3, 220c]. После этого, указав на некое сходство между софистом и рыболовом, Платон переходит к дефиниции самого софиста, осуществляя исследование четырьмя различными способами. Четвероякое "определение" софиста является, по сути дела, конституцией понятия, предполагающей конкретную логику исследования искомой предметной области.

В действительности, в диалоге Платон осуществляет определение софиста не из некоторой абстрактно-логической теории: он выстраивает мир, в котором обитает софист. Пример с рыболовом представляет собой не просто некоторое вводное диалектическое ухищрение, но является выражением общего герменевтического принципа – следовать от *известного для нас к известному по природе*. Поскольку софист допускает возможность существования ложных утверждений, т. е. утверждений о несуществующем, его мир основывается на представлении о небытии. В противоположность этому, философ полагает в основание собственного мира некое понятие бытия. Поэтому, в связи с тем, что мир всегда является миром действительной жизни, исследование бытия – философия – принадлежит самой жизни.

На это указывает и Сократ. В "Апологии" Сократ утверждает, что мудр он человеческой мудростью, и вспоминает о том, как Херефонт спросил оракула, превосходит ли кто из живущих на свете Сократа в мудрости, а в ответ услышал: нет, таких людей не существует. Для того чтобы понять смысл изречения оракула, Сократ решил в беседах с теми людьми, которых он сам считал мудрыми, выяснить, чем же его мудрость превосходит обычную мудрость повседневности. Три круга людей, с которыми общался Сократ, – это политики, поэты и ремесленники. Присмотревшись к этим людям внимательнее, Сократ вынес следующее решение: политики только кажутся мудрыми, но на самом деле таковыми не являются, не зная, думают, что обладают знанием; поэты творят не благодаря мудрости, но находясь в состоянии некоего исступления; ремесленники хорошо владеют своим искусством, но вследствие этого считают себя вправе выносить суждения и относительно прочих и самых важных вещей. Повседневность обладает опытностью, однако она, вынося суждения о сущем, не остается в границах опыта (то есть житейской мудрости), а бесосновательно стремится выйти за ее пределы. Сократ же утверждает относительно себя, что он знает только то, что он ничего не знает. В этом он и превосходит прочих людей своей мудростью. И в этом он превосходит мудростью и софистов, поскольку и софистический опыт принадлежит не философии, а повседневности.

Однако незнание Сократа не следует понимать как "пустое мышление и пустое созерцание". Незнание Сократа представляет собой теоретическую установку, которая характеризуется принципиальной готовностью к исследованию любой сложности. Сократ не боится поставить под вопрос уже достигнутый результат, более того, он не боится поставить под вопрос и свое собственное существование. Именно поэтому речь Сократа на суде отнюдь не является защитительной, это, скорее, ироническое выступление. Но в этом выступлении Сократ еще раз подтверждает основную идею: "Где кто поставил себя, думая, что для него это самое лучшее место, или же поставлен начальником, там и должен переносить опасность, не принимая в расчет ничего, кроме позора, – ни смерти, ни еще чего-нибудь" [1, 28d].

Именно здесь и проясняется окончательно различие между "иронией" Аристофана и иронией Сократа. Аристофан целиком и полностью принадлежит повседневности. Повседневное существование есть, в своем основании, будничность. Понятие "будничность" употребляется здесь в строгом онтологическом смысле, его происхождение объясняется из "*буднь днь*", буквально – "день бдения". Будничность, тем самым, представляет собой существование в действительности, день за днем, наяву, существование "с открытыми глазами", бодрствование. Будничность обладает, поэтому, своим собственным видением. То, что будничность видит, и то, что она знает, есть видимость. Феномен видимости носит, с одной стороны, позитивный характер, поскольку видимость есть возможность видения вообще. Видимость определяет границы поля нашего зрения. Но, с другой стороны, в этом феномене заключен и негативный момент. Видимость есть нечто кажущееся. Будничность обладает возможностью видения, но создает она лишь видимость. "Знание", построенное на видимости, оказывается, в действительности, мнением. Ирония Сократа вскрывает основания видимости. В каком-то смысле, сократическая ирония играет ту же роль, что и удивление Аристотеля: она создает новую возможность исследования. Эта возможность исследования достигается посредством преодоления будничности.

После вынесения приговора Сократ отказался от возможности бегства и ухода в изгнание, что могло бы означать косвенное признание им своей вины. По всей видимости, в противоположность расхожим греческим представлениям, Сократ полагал, что смерть принадлежит жизни и достойную жизнь должно венчать достойное ее завершение. Поэтому Сократ предпочел выпить чашу с цикутой. Последние слова Сократа перед смертью обращены к Критону и содержат просьбу не забыть принести в жертву Асклепию

петуха. Этот обычай в Древней Греции символизировал принесение благодарности за выздоровление. Слова Сократа понимают традиционно как ироническое высказывание, основываясь на предположении, что Сократ считал жизнь болезнью, а смерть и уход в другую жизнь – выздоровлением.

Но речь у Платона идет все же о других вещах. Для друзей и учеников Сократа его смерть является действительной трагедией, которую они оказываются не в состоянии пережить. Платон не пришел к Сократу в тюрьму в ночь перед казнью, сказавшись нездоровым, присутствовавшие испытывали смешанные чувства, "то смеялись, то плакали, в особенности ... – Аполлодор" [4, 59a]. Поэтому Сократ, понимая, что его друзьям необходимо нечто большее, нежели просто увещание, говорит о том, что жизнь философа является умиранием, подготовкой к тому существованию души после смерти, что связано с познанием подлинно сущих идей. Когда же Кебет и Симмий высказывают сомнения в достоверности речей Сократа, опирающиеся на обычные человеческие страхи, Сократ обращается к последнему аргументу: душа является идеей жизни, поэтому она бессмертна.

Поэтому последние слова Сократа следует понимать, исходя из общей герменевтической ситуации диалога. Сократ не нуждается в выздоровлении. Даже в своем телесном существовании Сократ "здоров". Это происходит потому, что Сократ никогда не перестает смотреть на мир с философской точки зрения. А вот друзья Сократа обнаруживают перед лицом жизненных обстоятельств отсутствие твердости духа, они показывают, что философия еще не окончательно завладела их существом. В этом смысле именно Критон и его товарищи нуждаются в исцелении. Последняя беседа Сократа с друзьями является и последней попыткой обратить их к подлинному философствованию. Ирония последних слов Сократа заключается в том, что он ясно дает понять: способ существования его друзей – это существование, укорененное в будничности. И преодоление этого существования может быть осуществлено, не в последнюю очередь, посредством иронии. Осознание такой роли иронии в достижении философской позиции становится **главным итогом приведенных в данной статье рассуждений.**

1. Платон. Апология Сократа // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 1. – М., 1990.
2. Платон. Гиппий больший // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 1. – М., 1990.
3. Платон. Софист // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 2. – М., 1993.
4. Платон. Федон // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 2. – М., 1993.